

ГЛАВА 1

«Вернусь — и поговорим...»

Двадцать пятого августа 1911 года Лыков зашел в приемную Курлова и вопросительно посмотрел на Сенько-Поповского. Тот развел руками:

— Никак не получается, Алексей Николаевич. С утра в бегах, я его почти не видел.

Сенько-Поповский был личным секретарем генерал-лейтенанта Курлова по его должности товарища министра внутренних дел. Умный, трудолюбивый и порядочный, он умел ладить со всеми и, случалось, подправлял своего высокомерного шефа. Сейчас Лыкову нужно было получить от Курлова согласие на встречу со Столыпиным. Секретарь обещал устроить доклад, но уже второй день Курлов не находил времени. Он только что вернулся из Белгорода, куда уезжал по делам охраны

государя. Царская семья собиралась посетить этот город, чтобы присутствовать на открытии мощей святителя Иоасафа. Оттуда проехать в Киев на маневры, затем — в Чернигов и Овруч, и уже оттуда в Крым до конца осени. Генерал отвечал за безопасность поездки и метался между указанными городами. Всего на два дня он вырвался в Петербург и ночью должен был отбыть в Киев. А без его согласия статский советник не мог получить аудиенцию у премьера.

— Где он сейчас, Леонид Андреевич?

— На Фурштатской, в штабе корпуса. Отдыхает у себя на квартире после беготни. Сами понимаете...

Лыков понял. Две недели назад в Киеве у Курлова случился удар. Несильный, но выбивший его из колеи. Утомившись за полдня, Павел Григорьевич решил отдохнуть у себя на Фурштатской, 40... По второй должности генерал-лейтенант состоял командиром Отдельного корпуса жандармов и жил в казенной квартире.

— Сюда заедет или оттуда сразу на вокзал? Может, мне там его ловить?

Сенько-Поповский убежденно ответил:

— Обязательно заедет. У него в шесть часов встреча с вашим Зуевым по неотложным делам Департамента полиции. Вот вместе с Нилом Петровичем и приходите. Вы насчет Майкопа хлопчете, я правильно помню? Об этом хотите разговаривать со Столыпным?

— Об этом, Леонид Андреевич. Всем почему-то наплевать на наши экономические интересы. Но нельзя же совсем мозги растерять? Нет, я этого так не оставлю, буду бороться.

В начале лета Лыков вернулся из командировки в Екатеринодар♦, взволнованный открывшимися там обстоятельствами. Оказалось, нефтяные поля Майкопа попали под контроль английских промышленников. Пусть бы так: русского капитала для дорогостоящих проектов не хватает, нехай иностранцы помогают. Но в этом случае британцы скупили более девяноста процентов всех нефтеносных участков Кубанской области! Явный перебор в ущерб нашим национальным задачам. А главное, купили вовсе не для того, чтобы добывать нефть, а с целью заткнуть тамошние скважины. Не дать им развиться, а самим — получить сверхприбыли от эксплуатации нефтяных залежей в Баку и Грозном. В результате треть по богатству месторождение России было обречено на умирание — втайне от властей.

♦ См. книгу «Кубанский огонь». (Здесь и далее — примеч. авт.)

Возмущенный увиденным, сыщик начал ходить по столичным кабинетам и бить тревогу. Быстро выяснилось, что никого в Петербурге это не беспокоит. Алексею Николаевичу советовали забыть о Майкопе и заниматься своими прямыми обязанностями. А не докучать начальству... Первым в таком духе высказался сам Курлов. Статский советник не унялся и добился встречи с министром финансов Коковцовым и министром промышленности и торговли Тимашевым. Оба сановника затратили на беседу по пять минут, взяли для изучения доклад, подготовленный сыщиком, и выпроводили его вон. Встречи не имели никаких последствий. А ведь именно Тимашев отвечал за развитие отечественных производительных сил. Ученик и давний сослуживец Коковцова, он перенял у шефа его безразличие и апломб, а тут какой-то мелкий

полицейский чин бьет тревогу. Шел бы лучше жуликов ловить!

♦ Сухомлинов В. А. — военный министр.

Алексей Николаевич понял, что ему нужны союзники. Такowymi с самого начала были военные. Сухомлинов♦ следом за Лыковым прислал в Екатеринодар своего офицера, капитана Продана, с заданием разузнать, что происходит на нефтяных промыслах области. Нет ли там засилья иноземцев? Каковы перспективы добычи важнейшего для армии и флота топлива? Капитан, старый приятель сыщика, провел секретное дознание и убедился, что англичане сознательно губят месторождение. При попустительстве администрации Кубанской области. Лыков несколько раз встречался с ним по возвращении в столицу. Игорь Алексеевич с грустью рассказал, что рапорт он министру вручил, а толку от этого шиш. Сухомлинов занят домашними делами и все более манкирует службой. Вроде бы он разделяет беспокойство контрразведки, на словах готов помогать. Но на деле не так. Нужна поддержка сильных мира сего, которым не безразлична экономическая безопасность империи. Например, Столыпина. Он патриот и умный человек, хотя в последнее время и забронзовевший.

Алексей Николаевич стал готовить новый рапорт — на имя премьер-министра. Чтобы подкрепить свои идеи, он советовался с генерал-майором Таубе. Тот отошел от непосредственного руководства военной разведкой, читал лекции в Академии Генерального штаба, заседал в Совете Военного министерства. Виктор Рейнгольдович как никто другой знал англичан и их давнюю неприязнь к России. Много лет он сталкивал-

ся с британской секретной службой на отрогах Тянь-Шаня, боролся с ее агентурой в Средней Азии, создавал нашу сеть в Индии. Таубе дал другу ценные советы. Он предложил инициировать несколько статей в прессе о событиях на Майкопских промыслах. А еще организовать соответствующий запрос в Государственной думе. Столыпин наладил тесное сотрудничество с думскими партиями и не сможет игнорировать их обеспокоенность нефтяными делами.

Лыков с Таубе и Проданом разработали целую программу по спасению «майкопского чуда», которое угасало на глазах. Сейчас требовалось решение премьер-министра о поддержке русских нефтепромышленников. Вот для этого сыщик, которого Столыпин хорошо знал и ценил, и рвался к нему на доклад. Однако опять случилась заминка. Петр Аркадьевич получил от государя двухмесячный отпуск и уединился в своем имении Колноберже до конца августа. Лишь дважды за все лето он ненадолго появился в столице.

Июльский визит сыщик упустил и очень надеялся на второй приезд премьера♦. Но снова не вышло. Начальство спешно командировало статского советника в Забайкалье. Там строилась Амурская железная дорога. Огромные деньги, большое количество случайных людей и близость каторги сделали стройку весьма привлекательной целью для бандитов. Вдоль полотна были разбросаны поселки, в которых жили богатые инженеры и подрядчики. Каждый день кого-то из них грабили и убивали. Поселки были переполнены всяким сбродом: ссыльными, беглыми каторжниками, китайскими спиртоносами, зо-

♦ Второй приезд Столыпина в Петербург длился с 1 по 5 августа 1911 года.

лотоискателями, спившимися военными топографами, японскими шпионами... Крупная народнохозяйственная стройка превратилась в уголовное Эльдorado, в гнойник, стоивший многим жизни. Особенно усердствовали кавказцы. Они открыли на будущих станциях «столовые», а в действительности уголовные притоны, где квартировали банды. Хозяева заведений содержали их и скупали кровавую добычу. Лыков еще в Иркутске познакомился с грабительской организацией сибирских кавказцев♦. Когда у Приамурского генерал-губернатора Гондатти♦♦ лопнуло терпение, он телеграфировал в столицу и попросил прислать волкодава.

♦ См. книгу «Столица беглых».

♦♦ *Гондатти Н. Л.* — исследователь Сибири, шталмейстер, действительный статский советник, в 1911–1917 годах генерал-губернатор Приамурского края.

Алексей Николаевич прибыл в только что учрежденный городок Алексеевск, названный так в честь наследника-цесаревича. Год назад это был грязный поселок Суражевка, знаменитый огромным железнодорожным материальным складом. Еще здесь Зeya впадала в Амур и делала его судоходным. То есть в городке пересекались две транспортные артерии, поэтому отбоя от преступного элемента не было. Сыщик приехал инкогнито, с одним лишь Азвестопуло, и устроил в Алексеевске базис. Они быстро выявили сорок (!) притонов, в каждом из которых жила своя банда. Самыми сильными считались кутаисцы, их подпирала «международные силы» — турки и курды. В одну ночь все притоны были захвачены полицией, при поддержке казаков. Уголовных засадили в тюрьму, а их покровителей, имевших чистые документы, выслали обратно на Кавказ и запретили возвращаться. Так Амурская железная дорога была очищена от сброда, а Лыков снова не попал к Столыпину.

Теперь, в конце лета, премьер-министр уже всюду трудился на своем хлопотном посту. Но попасть к нему было невозможно: за отпуск у просителей накопилось множество дел. Скромный статский советник всегда оказывался в конце очереди. Затем Столыпин тоже собрался в Киев. Вместе с государем он должен был присутствовать на маневрах Киевского военного округа. В последних числах августа он уедет. Оставалось всего два дня, даже полтора. А тут Курлов никак не мог найти минуту, чтобы встретиться с подчиненным и дать согласие на разговор...

— Ну, до вечера, Леонид Андреевич. Подготовьте нашего шталмейстера, будьте добры. Чтобы знал, что статский советник Лыков будет его терроризировать...

— Подготовлю непременно.

Курлов, помимо чина генерал-лейтенанта, имел также придворное звание шталмейстера, что служило поводом для насмешек за его спиной. Вообще-то военные состояли в Свите Его Величества. Но товарищу министра и командиру корпуса жандармов места в свите не нашлось.

До встречи с начальством Алексей Николаевич успел повидаться со знаменитым журналистом Меньшиковым. Лучший публицист суворинского «Нового времени» мог привлечь общественное внимание к майкопским порядкам хлесткой статьей и был готов помогать. Все знали: «Новое время» — единственная газета, которую государь читал ежедневно... Сыщик рассказал Михаилу Осиповичу, что творится на Кубани. Меньшиков был ошарашен и несколько раз переспрашивал собеседника:

— Неужели это правда? Девяносто два процента участков у англичан? И они закрывают скважины? Куда же смотрят власти?

— Местные — в отчеты. Англичане платят арендную плату? Да, и вполне исправно. Больше ничего казаков не интересует.

— А столичные?

— Столичные не занимаются такими вещами. Делают вид, что это их не касается, пусть решают на местах. И еще есть подтекст...

Статский советник многозначительно замолчал. Журналист начал гадать:

— Ну? Опять наша извечная боязнь обидеть Альбион?

— Хуже. После подписания соглашения в тысяча девятьсот седьмом году англо-русская распря, которой почти сто лет, вроде бы прекратилась. Скоро начнется европейская война, и наши дипломаты надеются, что Лондон присоединится к союзу Парижа и Петербурга. Ради этого умозрительного шанса они готовы терпеть любые выходки англичан. Любые!

Лыков нахмурился и продолжил:

— Есть старая глупая идея, которой почему-то одержима русская дипломатия...

— Проливы? — сообразил Меньшиков.

— Именно. Сазонов♦ надеется, что совместное участие в войне сблизит нас с британцами настолько, что они сжалятся над Россией и помогут нам изменить режим Проливов в свою пользу. Чтобы русские корабли, включая и военные, могли проходить в Средиземное море и обратно без согласия султана. По-моему, это утопия.

♦ Сазонов С. Д. — министр иностранных дел.

Подданные короля не столь наивны. Они с легкостью будут воевать с германцами до последнего русского солдата и кормить Сазонова обещаниями. А попутно грабить майкопскую нефть, препятствовать нашему судоходству, подкармливать думскую оппозицию, раздувать панисламизм в Средней Азии. Давайте хотя бы нефть вернем, а?

— Давайте, Алексей Николаевич. Я могу оставить себе ваш доклад министру внутренних дел?

— Конечно.

— И сослаться в газете на ваши наблюдения, с указанием чина и должности?

— Вот тут не знаю, Михаил Осипович. Все ж таки я на коронной службе. Должен получить на это разрешение министра. Надеюсь повидаться с Петром Аркадьевичем накануне его отъезда в Киев и сразу же телефонирую вам, скажу, получил ли согласие.

Сыщик и журналист расстались вполне дружески. Ободренный чиновник поехал в родной департамент. Меньшиков — сильный союзник, хоть и не все его взгляды Лыков разделял. Например, на еврейский вопрос они смотрели по-разному, и угар национализма, присущий очеркисту, коробил Алексея Николаевича. Но тут уж не до белых манжет. Правительство демонстрировало наплевательское отношение к интересам страны. Трудно спорить с собственным начальством, будучи у него на службе... Вылететь в отставку Лыков не хотел. Жить-то будет на что, капитал накоплен. Но чем наполнить жизнь? Щук ловить в Ветлуге?

На Фонтанке, 16, статский советник первым делом направился к Зуеву. Директор Департамента полиции не

обрадовался новости, что он пойдет на доклад к Курлову в сопровождении подчиненного. Шеф сильно не одобрял намерения Лыкова и всячески отговаривал его.

— Опять за старое? Сломишь себе голову на этом Майкопе, помяни мое слово. Твое дело какое? Ловить убийц и выполнять иные приказания начальства, — принялся брюзжать директор. — Зачем нарываешься?

— Так ведь гадит англичанка, Нил Петрович. И даже не стесняется, знает, что ей за это ничего не будет. Тошно смотреть.

— Ты сыщик! А не дипломат, прости господи... Если не поп, в рясу не лезь!

Зуев сложил перед собой руки и продолжил жалостливым голосом:

— Слышь, Алексей, ну отступи на сей раз. Плохо это для тебя кончится.

— Мстить, что ли, они мне будут? В русском государстве русскому чиновнику, почти что генералу? Замучатся.

— А ты не знаешь, насколько хватит британских возможностей. В случае чего, наши с Певческого моста♦ легко променяют тебя на какую-нибудь пустую подачку от Уайтхолла.

Лыков возразил:

— Прodelки в Майкопе — дело рук не Уайтхолла, там частная инициатива нефтепромышленников. Не настолько они сильны здесь, в Петербурге. Просто нувориши, богатенькие и зазнавшиеся. Британскому правительству до таких нет дела. Я их парламентаря в екатеринодарской гостинице с лестницы спустил, так он даже в полицию не обратился.

♦ Возле Певческого моста находилось здание российского Министерства иностранных дел.

Зуев сокрушенно покачал головой:

— Это ты зазнался! А если бы парламентар жалобу подал мировому?

— Не подал и не подаст, — убежденно парировал статский советник. — Потому как дело темное, свету не терпит. Так что... бери меня на прием и не скрипи.

В результате ровно в шесть пополудни два советника — тайный и статский — вошли в кабинет Курлова. Тот поднял голову и сразу скривился:

— Опять про Майкоп пришли говорить? И охота вам...

— Павел Григорьевич, — начал Зуев, — я полностью разделяю ваше мнение. Но Лыков настаивает. А он имеет такие заслуги по своей предыдущей службе, что я не могу ему отказать. Точнее, могу, но не хочу.

Нынешним вечером Курлову с Зуевым предстояла очередная аудиенция у Столыпина. Петр Аркадьевич занимал одновременно две должности: премьер-министра и министра внутренних дел. В последнем качестве он дважды в неделю принимал доклады по Департаменту полиции, важнейшему в структуре государственного управления. Доклады эти делал Зуев, но обязательно в присутствии Курлова как заведующего полицией. Столыпин не терпел плохих докладов, и товарищ министра хотел тщательно подготовиться. А тут вопрос, не относящийся к делу. Однако генерал-лейтенант тоже не мог игнорировать настойчивое желание Алексея Николаевича. Как-никак чиновник особых поручений МВД в пятом классе, уважаемый человек, известный всему служилому Петербургу.